

УДК 111.83

Е. С. Воля

**О ПОНИМАНИИ
(КЛИМЕНТ АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ, В. В. РОЗАНОВ)**

ВОЛЯ Елена Сергеевна - кандидат психологических наук, доцент кафедры теории и истории психологии Института психологии имени Л.С. Выготского. Российский государственный гуманитарный университет. 125993, Миусская площадь, 6, Москва, Россия. E-mail: elenavolya@mail.ru.

Климент Александрийский и Розанов бывают упомянуты вдвоем в связи с их текстами “Строматы” и “Опавшие листья”. Созвучны их названия и множественность тем, оформленных в записки. “Строматы” по мнению их автора «призваны заботливо хранить семена познания». Ответственность излагающего (восходит к Платону) и возможности понимания адресатом для Климента Александрийского ставятся во главу угла намеченной проблемы о понимании. Розанов пишет “Опавшие листья” как будто для себя, без особой заботы быть понятым и об адресате. Его точность языка, выверена многолетним думанием о проблеме понимания, отраженном в одноименном тексте «О понимании».

АДРЕСАТ; ТОЧНОСТЬ ЯЗЫКА; ОТВЕТСТВЕННОСТЬ; ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ.

Климент Александрийский (ок. 150 – ок. 215) и В. В. Розанов (1856–1919) бывают упомянуты вдвоем в связи с их текстами “Строматы” и “Опавшие листья”. Созвучны их названия и множественность тем, оформленных в записки.

Укажем еще на одну позицию, сближающую двух мыслителей - проблема о понимании, которая намечается Климентом Александрийским и является основополагающей для Розанова.

Во главу угла намеченной проблемы о понимании Климентом Александрийским ставятся: ответственность излагающего и возможности понимания адресатом. Понимание для него – это, прежде всего,

познавательная способность. «Строматы» соединяют в одно целое различные учения именно потому, что они призваны заботливо хранить семена познания» [1]. «Слово должно восприниматься душой ученика, как семя землей; и в этом состоит духовный рост <> душа соприкасается с душой, и дух - с духом, при посредстве слова производя посев, способствуя прорастанию семени и порождая жизнь» [2]. «Для Климента важно, чтобы читатель, понимая, о чем идет речь, ухватившись за ассоциацию или метафору, сумел последовать тем путем, которым шел автор, <> умному путнику достаточно указать дорогу» [3]. «Подобно полутонам на картине, недосказанность и намек стимулируют воображение. Неполная ясность способствует отвлечению от конкретной предметности вещей и помогает формированию мысленных представлений о них. Для того, чтобы понять знающему достаточно увидеть немного, «воображение дорисует остальное». Значит, символизм позволяет многое скрывать и открывать в одно и то же время, а поэтому является важным инструментом в познании и образовании» [4].

Розанов пишет «Опавшие листья» как будто для себя, без особой заботы быть понятым и об адресате. Его точность языка, выверена многолетним думанием о проблеме понимания, отраженном в одноименном тексте «О понимании».

«Ненавязчивая глубина над поверхностно рассудочной схемой – вот то, что только сегодня по-настоящему раскрывается нам в раннем Розанове – пишет Бибихин – Философско-научная номенклатура спокойно берется при этом без особой критики, с уверенностью сильного ума, что рано или поздно все понятия будут просвечены простым началом. Цель Розанова не система, а само действие (энергия) терпеливого взглядывания. Тема книги, понимание – одновременно ее предмет и прием. Не надо поэтому искать, на какие термины в ней опереться; все сводится к неостановимому движению мысли. Когда это есть не очень важно с каких ходов начинать. Все подлежит прояснению, развертыванию, приведению к последней тайне, как и начиналось все с раннего удивления или страха» [5].

По Розанову «Какова бы не была деятельность разума, она всегда будет по существу своему пониманием, и кроме этого же понимания ничего другого не может иметь своей целью» [6].

В «Опавших листьях» Розанов пишет: «Собственно, мы хорошо знаем – единственно себя. О всем прочем – догадываемся, спрашиваем. Но если единственная «открывшаяся действительность» есть «Я», то, очевидно, и рассказывай об «я» (если сумеешь и сможешь) [7].

Розановский автобиографический опыт – яркий пример дильтеевского тезиса что «автобиография — это высшая и наиболее инструктивная форма, в которой представлено понимание жизни» [8].

Повествование «Автобиографии», обозначенное Розановым как «краткие биографические сведения о себе», более широко представлено в вопросах, определивших его «умственные убеждения».

Розанов оправдывает свою увлеченность пространством повествованием о своем прошлом Я.Н. Колубовскому (адресату с которым не знаком) тем, что тот «предан одинаковым интересам» которыми живет и Розанов. Тем самым, полагая общность интересов как исповедальную возможность, и придает значение, как частным деталям, так и более общим выводам.

Общность интересов создает прецедент возможного общения для Розанова, мечтающего о «природе и одиночестве» [9]. Именно благодаря общности интересов Розанов обрел союзников в своем самообразовании. Розанов подчеркивает, что обучение в гимназии не было для него определяющим. Занимаясь гимназическими предметами «настолько, чтобы идти удовлетворительно» он и его товарищи все остальное время посвящали чтению или опытам», которые делали, «купив в аптеке некоторые препараты и вещества, или разговорам политического и реже литературного содержания». Гимназические юношеские годы Розанов выделяет как самые светлые на протяжении всей остальной жизни. «Глубокая преданность интересам знания, неопределенные надежды и ожидание чего-то от будущего, правдивость отношений между собой и их полная безыскусственность – все это делало жизнь глубоко радостною» [10].

Для «ускорения самообразования» кружок товарищей решил «сделать нечто вроде классификации наук – распределить их между собою, с тем, чтобы каждый, занимаясь тщательнее один, усвоенное излагал в общих собраниях, устраиваемых еженедельно». По мнению В.А. Фатеева

именно эта «маленькая Академия» «благодаря интенсивной самостоятельной подготовке тем» положила начало «энциклопедичности розановских познаний и тому разнообразию его интересов, которые проявятся затем в его творчестве», а также определила главную тему его книги «О понимании» как классификацию всех наук: «Истоки тяготения молодого философа к универсализму – именно в этих юношеских занятиях, а не заимствованиях у Гегеля» [11].

Занятия в обществах по интересам были присущи европейской молодежи начала XIX века, так общество утилитаристов, созданное Миллем в 1822 году, собиралось каждые 14 дней в доме Бентама для обсуждения этических, юридических и политических вопросов.

Эта преемственность была понятна Розанову, который выделял Д.С. Милля, как мыслителя, оказавшего на него влияние.

Милль как мыслитель был очень интересен Розанову, как своими идеями, так и методом изложения. Розанов указывает на «Утилитаризм» Милля, как на первую философскую книгу, которая произвела на него большое впечатление, «в особенности потому, что сквозь частные и временные интересы, умственные и житейские впервые показала мне область интересов общих и постоянных» [12].

«Именно настроение, с которым эта книга была написана» привлекает Розанова. Из содержания он выносит знание, «что есть взгляд на человека и на жизнь его как на управляемые и долженствующие быть управляемыми идеей счастья – высшей в истории» [13].

По мнению Розанова «серьезное в жизни» он начинает с обдумывания идеи счастья как верховного начала. С четвертого класса гимназии и до третьего курса университета «не было ни одного урока гимназии, который я прослушивал бы учителя, или времени прогулки, или чего другого, когда бы я не был погружен не столько в обдумывание этой идеи, сколько в созерцание ее. Потому-то очень скоро она разложилась в мысли в ряд как бы геометрических аксиом, определений и выводов, объектом которых служило понятие счастья и которые обнимали собою государств, нравственность, чувство правоты – все формы вообще человеческого творчества. Логическое совершенство этой идеи было полно, но я не был только ее теоретиком. Будучи убежден в ее верховной

истинности, я свой внутренний мир и свою внешнюю деятельность стал мало-помалу приводить в соответствие с нею» [14].

Поворотным пунктом в своем развитии Розанов считает понимание того, что идея счастья как верховного начала человеческой жизни «придуманная идея, созданная человеком, но не открытая им, есть только последнее обобщение целей, какие ставил перед собою человек в истории, но не есть цель, вложенная в него природою». Она «не совпадает, или, точнее, заглушает собою, подавляет некоторые естественные цели, вложенные в человеческую природу, которые, в отличие от искусственных целей, составляют его назначение. Это последнее нельзя изобрести или придумать, но только – открыть, и открыть его можно, раскрывая природу человека» [15].

«Вследствие изощренности», которую Розанов приобрел «постоянным думаньем над идеей счастья», он смог, в частности, определить естественные цели человеческой жизни. В более широком контексте это был уникальный опыт самостоятельного мышления, впоследствии реализованного в сочинении «О понимании», в котором «исследована одна, и самая важная, быть может, из естественных целей человеческой природы, – умственная деятельность.

В «Автобиографии» Розанова угадывается желание автора выделить существенные интересы, в том числе и учебные, определившие его становление. Здесь можно рассматривать и обратное влияние, с позиции сложившихся ценностей – выбор событий определивших жизненную траекторию развития [16].

К одним из наиболее ранних интересов, которые можно характеризовать как учебные, Розанов относит конспективное изложение книг, в частности он указывает: «Физиологические письма» К. Фогта, «Физиологию обыденной жизни» Льюиса, «Мир до сотворения человека» Циммермана, 1-й том Белинского. «Необходимость излагать обширное содержание, ничего не выпуская, и, однако, кратко», по мнению Розанова более всего способствовали в нем развитию «уменья очень сжимать всякую мысль, а равно – точно ее формулировать». Он уточняет, что в последствие «всякого рода определения и формулирования» исполнял с "большим удовольствием, нежели какой-нибудь другой труд» [17].

В работе «О понимании», выстраивая теорию анализа идеи, Розанов напишет: «Этот анализ сводится к двум процессам: 1) к определению идей и 2) к разложению определений <...> например, идея счастья как идея верховного начала на термины: “цель”, “жизнь” и “счастье”, из которых каждый может быть выражен в новом определении, а каждое из этих новых определений снова может быть разложено на свои термины и т.д. до единичных явлений жизни личной и общественной» [18]. Наделение различным значением определений позволяет Розанову «в некотором смысле определить всю науку как последовательный переход разума человеческого от релятивных определений, в которых только сознается познаваемое, к определениям субстантивным, в которых оно понимается» [19].

К ранним гимназического увлечениям Розанова относится увлечение Писаревым, к более поздним – Добролюбовым. Последнего Розанов выделяет как одного «из могущественнейших умов, повлиявших на общество». Для Розанова в большей степени имел значение «общий план его сочинений, сумрачное и серьезное настроение его души, из которой исходили все его отдельные мысли; житейская обстановка и условия воспитания» [20].

Именно актуальный интерес определяет избирательность Розанова в выборе многочисленных источников для чтения. Он уточняет, что «книг, бывших только занимательными, не отвечавших ни на какой определенно стоявший вопрос в моем уме, я никогда не мог читать» [21].

Розанов никогда не мог читать сочинений, «очень обработанных по внешности, так что сквозь интерес к предмету сквозит забота о себе, о своем литературном имени». Преданность интересам выражалась у него и в собственной манере письма. «Замечательно, что у меня никогда не было ощущения читателей; я писал также невольно, связно – по отношению к себе, как свободно по отношению к читателям. Когда Страхов или кто брал рукопись в руки и начинал меня читать, с целью убедить то или другое переправить – краска заливала мое лицо; слог мысли – решительно все было позорно; сконфузившись – я от всего отказывался; но когда они уходили – я зачеркивал все поправки <> и всегда восстанавливал

первоначальный текст, который не столько помнил, – но при чтении 2–3 строк впереди, – он с прежней необходимостью вызревал во мне» [22].

В последующих автобиографических текстах, в частности «О себе и жизни своей» Розанова скорее заботит возможность следования своему интересу, в творчестве. Он здесь противопоставляет «непосредственную жизнь» и «внешнюю объективную жизнь».

«Бывало Вася, еще не кончит чая, уже бежит к столу. <...> Именно, «бежит», радостно, весело в душе, в которой играют мысли; угрюмо лишь для постороннего глаза. Здесь за письменным столом, были мои пиры, мои – вакханалии; здесь – несравненная поэзия. Счастье писания есть счастье рождения; кажется, не одна аналогия здесь, но и истинное существо природы» [23].

В автобиографическом тексте «Мечта в шелку» Розанов продолжает эту тему: «столькими годами мечты, воображения, соображений, гипотез, догадок, а главное – гнева, нежности, этой пустыни одиночества и свободы, какую сумел же я отвоевать у действительности, мелкой, хрупкой, серой, грязной, – и объясняется, что прямо после университета я сел за огромную книгу «О понимании», без подготовок, без справок, без «литературы предмета», и – опять же плыл в ней легко и счастливо, как с покрывалом Лаодикеи...» [24].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1. Климент Александрийский.** Строматы. Книги 1-3 / Пер. с древнегреч., предисл, комм. и библиогр. Е.В. Афонсина. Изд. 2-е. испр. и дополн. СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2014. С. 81/
- 2. Климент Александрийский.** Строматы. Книги 1-3 / Пер. с древнегреч., предисл, комм. и библиогр. Е.В. Афонсина. Изд. 2-е. испр. и дополн. СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2014. С. 68.
- 3. Афонасин Е.В.** «Строматы» Климента Александрийского // *Климент Александрийский.* Строматы. Книги 1-3 / Пер. с древнегреч., предисл, комм. и библиогр. Е.В. Афонсина. Изд. 2-е. испр. и дополн. СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2014. С. 53.
- 4. Афонасин Е.В.** «Строматы» Климента Александрийского // *Климент Александрийский.* Строматы. Книги 1-3 / Пер. с древнегреч., предисл, комм. и библиогр. Е.В. Афонсина. Изд. 2-е. испр. и дополн. СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2014. С. 51.

5. **Бибихин В.В.** Время читать Розанова // Розанов В.В. О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания. М.: Институт философии, теологии и истории Святого Фомы, 2006. С. V.
6. **Розанов В.В.** О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания. М.: Институт философии, теологии и истории Святого Фомы, 2006. С. 7
7. **Розанов В.В.** Опавшие листья. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2014. С. 221.
8. **Дильтей В.** Наброски к критике исторического разума // Собрание сочинений: в 6 т. Под ред. А.В. Михайлова и Н.С. Плотникова. Т. 3. Построение исторического мира в науках о духе / пер. с нем. под ред. В.А. Куренного. М.: Три квадрата, 2004.
9. **Розанов В.В.** Мечта в шелку // О себе и жизни своей / Сост., предисловие, комментарий В.Г. Сукача. М.: Моск. рабочий. 1990. С. 659.
10. **Розанов В.В.** Автобиография. С. 687-688.
11. **Фатеев В.А.** Жизнеописание Василия Розанова. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Изд-во «Пушкинский дом», 2013. С. 51.
12. **Розанов В.В.** Автобиография // О себе и жизни своей / Сост., предисловие, комментарий В.Г. Сукача. М. Московский рабочий. 1990. С. 686.
13. Там же.
14. **Розанов В.В.** Автобиография // О себе и жизни своей / Сост., предисловие, комментарий В.Г. Сукача. М. Московский рабочий. 1990. С. 689.
15. **Розанов В.В.** Автобиография // О себе и жизни своей / Сост., предисловие, комментарий В.Г. Сукача. М. Московский рабочий. 1990. С. 690.
16. **Воля Е.С.** Об интересе в автобиографических текстах В.В. Розанова // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2015. №4. С. 146-154.
17. **Розанов В.В.** Автобиография // О себе и жизни своей / Сост., предисловие, комментарий В.Г. Сукача. М. Московский рабочий. 1990. С. 686.
18. **Розанов В.В.** О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания. М.: Институт философии, теологии и истории Святого Фомы, 2006. С. 91.
19. **Розанов В.В.** О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания. М.: Институт философии, теологии и истории Святого Фомы, 2006. С. 94.
20. **Розанов В.В.** Автобиография // О себе и жизни своей / Сост., предисловие, комментарий В.Г. Сукача. М. Московский рабочий. 1990. С. 688.
21. **Розанов В.В.** Автобиография // О себе и жизни своей / Сост., предисловие, комментарий В.Г. Сукача. М. Московский рабочий. 1990. С. 687.
22. **Розанов В.В.** О себе и жизни своей / Сост., предисловие, комментарий В.Г. Сукача. М.: Моск. рабочий. 1990. С. 34.
23. **Розанов В.В.** О себе и жизни своей / Сост., предисловие, комментарий В.Г. Сукача. М. Московский рабочий. 1990. С. 33.
24. **Розанов В.В.** Мечта в шелку // О себе и жизни своей / Сост., предисловие, комментарий В.Г. Сукача. М.: Моск. рабочий. 1990. С. 656.

VOLYA, Elena S. – PhD in psychology, associate professor at the theory and history of psychology department, L.S. Vygotsky Institute of psychology Russian State University for the Humanities. 125993, Miuscay square, 6, Moscow, Russia. E-mail: elenavolya@mail.ru.

ON UNDERSTANDING (CLEMENT ALEKSANDRIJSKIJ, V. ROZANOV).

Clement Aleksandrijskij and Rozanov are mentioned together as the author of "Stromaty" and "Opavshie list'ya". Similar names of books and a manifold themes and visual style - note-book. "Stromaty," according to its author, carefully designed to keep the seeds of knowledge. Clement Aleksandrijskij actualizes the problem of understanding. He talks about the responsibility of the author and the addressee. Rozanov writes for himself and not for the addressee. His language accuracy, verified many years of thinking about the problem of understanding, represented in the same text "O ponimanii".

RECIPIENT; LANGUAGE ACCURACY; RESPONSIBILITY;
PHILOSOPHY OF EDUCATION.
